

Хомякова О.Р. (Минск, Беларусь)

Странствия и странники в художественном мире К.Н. Батюшкова

Для К.Н. Батюшкова в странствиях проявляется драматизм и неустроенность жизни, гонения судьбы: «Мы подобны теперь Гомеровым воинам, рассеянным по лицу земному. Каждого из нас гонит какой-нибудь мститель-бог...» [3, с. 308]. Понятия *странник* и *изгнанник* для Батюшкова едва ли не синонимичны. Называвший себя «печальным странником», поэт с напряженным личностным интересом осмысливает судьбы изгнанников с мировой известностью (Тассо, Гомер, Овидий, Данте).

Скитальческая жизнь известна поэту не понаслышке: Германия, Франция, Англия, Швеция, Италия, различные уголки России... Батюшков – участник войн с Наполеоном: «Три войны, все на коне, и в мире на большой дороге» [3, с. 441–442]. На страницах биографии Батюшкова запечатлены финская кампания, битва народов под Лейпцигом, штурм Парижа: «И видя сто смертей, / Боялся умереть не в родине моей!» («Воспоминания», 1807–1809). Последние 34 года жизни Батюшков проводит в различных психиатрических лечебницах Европы от Зонненигтейна (Саксония) до Петербурга и умирает в доме родственников в Вологде.

В статьях о семиотике художественного пространства Ю. Лотман разграничивает героев замкнутого и открытого пространства. В первый период творчества Батюшкова доминирующие позиции занимает герой места, а смыслообразующим пространством является «скромная хижина», «шалаш простой». Пенатам – богам-хранителям и покровителям домашнего очага поклоняется Батюшков («Мои пенаты»). В свободе, спокойствии, гармонии частной жизни поэт рассчитывает найти защиту от забот и тревог большого и суетного мира. Дом противопоставляется социуму. Бегство в уединенный приют, в котором можно спрятаться от мира, – смысловая доминанта раннего творчества Батюшкова. В «скромную хижину» поэта «не находят путь богатство с суетой»: «Для чего я буду теперь искать чинов, которых я не уважаю, и денег, которые меня не сделают счастливым?» [3, с. 298]. Дружба единомышленников, «изящное сладострастие» (В. Белинский), чувственная любовь, поэтическое вдохновение, творчество, книги, «чаша полная вина», сон и лень (Батюшков утверждал, что «лень стихотворна»), равнодушие как к гражданским («политический шум»), так и к житейским (богатство, карьера) ценностям, – таковы атрибуты «изящного эпикуреизма» Батюшкова. Поэт, любящий скромные дары земной жизни, гордится умением «Блаженство находить в убожестве – Мечтой!» («Мечта»).

Война 1812 года, потрясение от зрелища пожара Москвы указывают поэту на уязвимость его мечты, разрушая его «маленькую философию». «Мой друг, я видел море зла», – пишет Батюшков в одном из самых трагических своих посланий «К Дашкову». Зло воспринимается поэтом прежде всего как бездомность, лишение дома: «Кто утешит эту мать, прижавшую к груди своей

трепетного младенца, бегущую из столицы, объятай пламенем? Кто утешит этого отца, супруга, который под развалинами дома своего оставляет все, что имел: и детей, и жену, и все блага жизни, все надежды свои?..» («Нечто о морали, основанной на философии и религии»). Пожар Москвы, развалины замка в Швеции («На развалинах замка в Швеции»), невозвратимость античного мира («Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...») – все это для Батюшкова явления одного ряда, указывающие на хрупкость материальных и духовных оплотов человеческого существования. Смысловое единство произведений Батюшкова, которое ранее базировалось на приватном локусе дома как ценностного центра мира, подвергается трансформации. Герой пространственной и этической неподвижности (формула Ю. Лотмана) оказывается вовлеченным в движение в открытом пространстве. Переход из идиллического мира дома («женского мира», по Ю. Лотману) в мир больших дорог и дальних расставаний воспринимается как утрата идеальной основы жизни. Свой подлинный путь герой Батюшкова видит только как путь домой. Пространственные передвижения героя Батюшкова не вызывают изменений в системе его ценностей, центром которых по-прежнему является Дом со всеми сопутствующими атрибутами.

В стихотворении «Судьба Одиссея» (1814) главным стремлением персонажа – авторского двойника является возвращение домой («искал своей Итаки»). В интерпретации Батюшкова, Одиссей – человек дома, акцентируются его страдания в чужом пространстве («чашу горести до капли выпил») и мужество в бедствиях на пути домой. Герою удается выстоять «среди ужасов земли и ужасов морей» и добраться «до милых родины давно желанных скал». Но Одиссей не находит спасительного убежища от несовершенства мира и в родном пространстве, в котором теперь не видит искомого идеала: «и что ж? отчизны не познал». Цель достигнута, а смысла в пройденном опасном пути не обнаруживается: родные скалы воспринимаются как все то же чужое пространство. Для скитальца исчезли те границы, которые, казалось ему, будут указывать на конец пути, знаменуя обретение мечты. Насмешкой судьбы, вначале преследовавшей героя, а затем исполнившей его желания, представляется финал странствия. Идеал достижим только во сне; проснувшийся герой («проснулся он») не узнает то, о чем мечтал, ради чего боролся с жестоким роком («Казалось, победил терпеньем рок жестокой / И чашу горести до капли выпил он»). Осуществление мечты обнаруживает ее призрачность, достижение идеала становится трагедией.

Впрочем, у Батюшкова есть и комические варианты решения темы странствий. В смешной и мудрой повести в стихах «Странствователь и домосед» (1815) Батюшков, по собственному его признанию, смеется над собой: «сам над собой смеялся».

Героями сказки являются два брата – Филалет (странствователь) и Клит (домосед). Филалет – искатель истины (так переводится с греческого имя героя). Другой брат Клит не нуждается в поисках истины, он ею обладает. Истина и счастье Клита – в доме, в семье, в возделывании своей земли. Древнегреческие мифы одним из многочисленных любовников богини Эос называют смертного человека – Клита. Для Батюшкова, поклоняющегося античности, несомненно, значимым было это мифическое обстоятельство: Клит не ищет и не выбирает – его выбирают, одного из немногих смертных среди богов. Так просто найти себя и свое счастье, для этого не нужно странствовать и сомневаться. Счастье приходит к тому, кто его не ищет. Клит Батюшкова обретает свое счастье в родном доме, среди родных людей, в труде на родной земле.

Филалет ищет свое счастье в чужих землях. Для него Истина обитает за пределами известного и привычного. На пути к истине герой готов преодолеть все препятствия. Но есть проблемы, перед которыми пасуют даже филалеты: это легкость кошелька и пустота желудка. Воры и учителя уравниваются в стремлениях лишить героя того, что он имеет. А, главное, «духовная жажда» Филалета ограничена жаждой телесной побуждающей вернуться к теплу и защищенности родного дома. Заметим: в отличие от романтических произведений более позднего периода, герою Батюшкова есть куда вернуться. Клит и его семья с радостью принимают брата, готовы предоставить ему тепло и защиту. Но странствователь Батюшкова не пригоден к оседлой жизни. Едва оправившись от потрясений предыдущего странствия, он опять отправляется в путь – не зная зачем. «За розами побрёл – в снега Гиперборея»: герой Батюшкова ищет розы в том месте, в котором меньше всего возможностей их найти.

Стихотворная повесть Батюшкова заканчивается своего рода опровержением басенной морали, формулирующей полученный героем урок. Герой «Странствователя и домоседа» – искатель истины – оказывается невосприимчивым к урокам жизни. Странствователи Батюшкова обречены на вечные скитания, которые ничего не дают и ни к чему не ведут: «...Объехав свет кругом... / ...Сижу и думаю о том, / Как трудно быть своих привычек властелином, / Как трудно век дожить на родине своей, / Тому, кто в юности из края в край носился, / Все видел, все узнал – и что ж? из-за морей / Ни лучше, ни умней / Под кров домашний воротился...».

Герои Батюшкова возвращаются домой «ни лучше, ни умней», чтобы опять стремиться к очередному скитанию под знаком поиска истины – потому ли, что

ищут вне домашнего крова, или потому, что дома не имеют: «Жить дома и садить капусту я умею, но у меня нет ни дома, ни капусты...» [2, с. 438].

В батюшковском художественном мире благополучны клиты, довольствующиеся дарами судьбы и обречены на вечные и бесплодные скитания филалеты. Вечная, и, увы, бесплодная, неуспокоенность – вот что движет странствователями Батюшкова. В разлуке можно признаться: «Ах! Небо чуждое не лечит сердца ран! / Напрасно я скитался...» («Разлука», 1815).

Но стремление к чуждым небесам непреодолимо, и герой вновь пускается в путь.

Во многом комическая трактовка злоключений Филалета мотивирована его жадной к странствию вопреки разуму и смыслу, тогда как в «Судьбе Одиссея» не воля героя, а судьба («злая судьбина», «карающая богиня») обрекает героя на скитания.

Батюшков пытался освоить и религиозно-символический аспект темы странствия. Человек – странник, оторванный от Небесного Отечества и обреченный на скитания до возвращения в истинный дом: «Минуты странники, мы ходим по гробам». В какой-то момент поэту казалось, что «вера пролила спасительный елей / В лампаду чистую надежды». И тогда верилось, что истинный путь человека – это путь к гробу, освобождающий от тленных устремлений: «Ко гробу путь мой весь как солнцем озарен: / Ногой надежно ступаю / И, с ризы странника свергая прах и тлен, В мир лучший духом возлегаю» («К другу»).

Но и вера не спасла Батюшкова от неумолимо наступающего безумия. В последних стихотворениях, написанных в редкие светлые промежутки среди темноты умопомрачения, не только странствия, весь жизненный путь человека представляется поэту лишённым смысла: «Ты знаешь, что изрек, / Прощаясь с жизнью, седой Мельдиседек / Рабом родится человек, / Рабом в могилу ляжет, / И смерть ему едва ли скажет, / Зачем он шел долиной чудной слез, / Страдал, рыдал, терпел, исчез».

Жизнь сводится к четырем глаголам пути: страдал, рыдал, терпел, исчез. Такой печальный итог подводит Батюшков своим поэтическим раздумьям о странниках и странствиях.

Литература

1. Батюшков, К. Н. Соч. : в 2 т. / К. Н. Батюшков. – М. : Худож. лит., 1989. – Т. 2. – 701 с.
2. Батюшков, К. Н. Сочинения: Со статьею о жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковым, и примечаниями, составленными им же и В. И. Сайтовым : в 3 т. / изданы П. Н. Батюшковым. – СПб. : Типография В. С. Балашева, 1886.– Т. III. – 804 с.

3. Фридман, Н. В. Поэзия Батюшкова / Н. В. Фридман. – М. : Наука, 1971. – 383 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ